А. ЛЕВИЦКИЙ

ДЕРЖАВИН, ГОРАЦИЙ, БРОДСКИЙ (ТЕМА «БЕССМЕРТИЯ»)

Статья П. Н. Беркова «Ранние русские переводчики Горация»[1] хотя и вышла более 60 лет тому назад, до сих пор является основным вкладом в изучение влияния Горация на русской почве в XVIII веке. В ней ученый коснулся деятельности переводчиков Горация преимущественно второй трети XVIII века, уделяя особое внимание творчеству Кантемира, Тредиаковского, Сумарокова, Ломоносова, Поповского и Баркова. Не соглашаясь полностью с некоторыми из суждений ученого,[2] хотим подчеркнуть научную цен-

[1] Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1935. № 10. С. 1039–1056.

[2] Обращая внимание в конце своей статьи на то обстоятельство, что «Барковым исчерпывается та группа ранних переводчиков Горация, которые, за исключением только Кантемира, все сплошь принадлежат к „разночинцам“» (С. 1055), П. Н. Берков соотносит с их классовой принадлежностью и тематическое единство: «Не случайно поэтому то обстоятельство, что в сознание русского читателя XVIII века Гораций входит прежде всего как сатирик и литературный законодатель, как проповедник стоической морали». «Горацианский эпикуреизм,— продолжает ученый,— его этический гедонизм был чужд его ранним русским переводчикам. Лишь позднее у дворянских поэтов второй половины XVIII в., в расцвет дворянской культуры, появляются мотивы горацианской жизнерадостности, гармонического приятия мира и главным образом эротического лиризма. Эта линия начинается с Сумарокова, который делает вольный перевод IX оды книги III <. . .> и кончается Капнистом и Державиным. . .» (С. 1056). Конечно, можно поспорить о том, насколько менее (или более!) неотъемлемой частью художественной системы является Гораций у «разночинца» Тредиаковского по сравнению с «дворянином» Сумароковым и, наверное, внести определения в такие понятия, как «этический гедонизм», «горацианская жизнерадостность», «гармоническое приятие мира» или «эротический лиризм», но это не входит в задачи нашего исследования.

© А. Левицкий, 1999